

УДК 343.9

Миграционная преступность: эволюция в условиях пандемии

С. Ф. Милюков¹ ✉

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
наб. реки Майки 48, г. Санкт-Петербург 191186, Российская Федерация

✉ e-mail: Milukov-SF@yandex.ru

Резюме

Актуальность исследования обусловлена объективной необходимостью корректировки миграционной политики под влиянием нетипичных условий пандемического кризиса как необходимого условия стабилизации миграционной ситуации и связанной с ней криминологической обстановкой.

Цель исследования – определение тенденций развития миграционной преступности в РФ под влиянием пандемии Covid-19 и перспективных направлений совершенствования в этой связи миграционной политики.

Задачи: оценить состояние миграционной преступности в период пандемического кризиса; выявить факторы, влияющие на развитие этой разновидности преступности в нетипичных условиях «закрытых» границ; сформулировать предложения по совершенствованию охранительного законодательства в указанной сфере.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались общенаучные методы (диалектический, исторический), а также частноправовые методы (статистический, сравнительно-правовой, прогнозирование).

Результаты исследования отличает прикладной характер, направленный на повышение эффективности миграционной политики как сдерживающий фактор миграционных преступлений.

Выводы. Пандемический кризис и вызванное им закрытие внутригосударственных и межгосударственных границ не привели к сокращению миграционной преступности. Напротив, в некоторых сферах и регионах наблюдается рост основных показателей этой разновидности преступности.

Современная миграционная ситуация и связанная с ней криминологическая обстановка требуют энергичных, но в то же время рациональных, научно обоснованных мер по контролю за миграционными процессами и дозированному применению уголовной репрессии к лицам, пренебрегающим российскими законами в этой сфере. Такими мерами могут и должны стать высылка за пределы РФ и ссылка с запретом проживать в определенной местности. Отказ от этих инструментов миграционного контроля с принятием Уголовного кодекса 1996 года криминологически и политически не обоснованы.

Ключевые слова: миграционная преступность; высылка; ссылка; криминологическая обстановка; миграционная ситуация.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Милюков С. Ф. Миграционная преступность: эволюция в условиях пандемии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 74–82.

Поступила в редакцию 15.04.2021

Принята к публикации 12.05.2021

Опубликована 25.06.2021

© Милюков С. Ф., 2021

Migration Crime: Evolution in a Pandemic

Sergey F. Milyukov¹ ✉

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Embankment, Saint Petersburg 191186, Russian Federation

✉ e-mail: Milukov-SF@yandex.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the objective need to adjust the migration policy under the influence of atypical conditions of the pandemic crisis, as a necessary condition for stabilizing the migration situation and the associated criminological situation.

The aim of the study is to determine the trends in the development of migration crime in the Russian Federation under the influence of the COVID-19 pandemic and promising directions for improving migration policy in this regard.

Objectives: to assess the state of migration crime during the pandemic crisis; to identify the factors influencing the development of this type of crime in atypical conditions of "closed" borders; formulate proposals for improving the protective legislation in this area.

Methodology. In the process of working on the study, general scientific methods (dialectical, historical), as well as private law methods (statistical, comparative legal, forecasting) were used.

The results of the study are distinguished by their applied nature, aimed at increasing the efficiency of migration policy, as a deterrent factor in migration crimes.

Conclusions. The pandemic crisis and the resulting closure of domestic and interstate borders have not led to a reduction in migration crime. On the contrary, in some spheres and regions there is an increase in the main indicators of this type of crime.

The current migration situation and the associated criminological situation require energetic, but at the same time rational, scientifically grounded measures to control migration processes and the metered use of criminal repression against persons who disregard Russian laws in this area. Such measures can and should be deportation from the Russian Federation and a link with a ban on living in a certain area. Refusal from these instruments of migration control with the adoption of the 1996 Criminal Code. criminologically and politically unsubstantiated.

Keywords: migration crime; expulsion; exile; criminological situation; migration situation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Milyukov S. F. Migration Crime: Evolution in a Pandemic. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(3): 74–82. (In Russ.)

Received 15.04.2021

Accepted 12.05.2021

Published 25.06.2021

***

Введение

Диалектический метод познания общественных, экономических, политических и культурных процессов остается основным инструментом в достижении научной истины. Г. В. Ф. Гегель, обосновавший совпадение структуры мышления со структурой бытия, на первый план в истолковании диалектики выдвинул противоречия объективной действительности, в связи с чем таковая предстает «вообще принципом всякого движения, вся-

кой жизни и всякой деятельности в сфере действительности» [1, с. 206].

При таком подходе миграция, как движение людских масс, также выглядит глубоко противоречивым процессом, имеющим как позитивные, так и негативные (в том числе преступные) свойства. Например, Великое переселение народов, продолжавшееся около трех веков, привело к падению Западной Римской империи, гибели миллионов людей и разрушению культуры высочайшего уровня.

То же можно сказать об освоении Американского континента, сопровождавшемся массовым геноцидом коренного «индейского» населения, разрушением государственности и культуры ацтеков и майя. Вместе с тем на этих руинах появилось могущественное государство – Соединенные Штаты Америки – сконцентрировавшее огромные материальные, финансовые, интеллектуальные, военные и культурные ресурсы всего мира и небезосновательно претендующее на доминирующую роль на планете, постоянно подпитываясь все новыми миллионами мигрантов.

Становление Российской державы также выражалось перемещением гигантских людских масс на восток, юг и запад. И если передвижение на Восток далось что называется «малой кровью» (к сожалению, такое движение закончилось для России трагическим поражением в Русско-японской войне 1904–1905 гг.), то воссоединение с Украиной, присоединение Крыма, возвращение Прибалтики и защита этих территорий в царский и советский периоды сопровождалось огромными людскими потерями. Крах Советского Союза в 1991 г. привел к образованию по периметру Российской Федерации ряда зависимых от США, Великобритании, Германии, Франции и Польши государств, глубоко враждебных к сохранившейся части России.

Однако это парадоксальным образом оживило миграционные потоки из этих псевдонезависимых образований на территорию их векового «поработителя» и «угнетателя» (за исключением, пожалуй, Прибалтики). При этом большая часть этих временных или постоянных переселенцев сознательно или вынужденно совершают различного рода правонарушения и преступления.

Внезапно поразившая весь мир пандемия COVID-19 грубо прервала многолетние процессы глобализации, восстановила государственные границы, укрепила таможенные барьеры, заставила

многие государства, в том числе и прежде всего Россию, рассчитывать исключительно на свои силы и ресурсы (ввиду перманентно усиливающихся удушающих ее санкций) [2]. Это обстоятельство дало новый импульс для изучения миграционной преступности в Российской Федерации.

Методология

Методология основана на диалектическом подходе. При проведении исследования применялись следующие методы: исторический (при рассмотрении явления миграции с учетом особенностей конкретного временного периода как в России, так и за рубежом); сравнительно-правовой (при изучении ранее действовавшего охранительного законодательства, содержащего в своем арсенале специфические инструменты миграционного контроля – высылка и ссылка); социологический (при изучении данных статистической отчетности, характеризующих миграционную ситуацию и связанную с ней криминологическую обстановку в России и ее регионах; прогнозирование (при криминологическом анализе статистических данных МВД России).

Результаты и их обсуждение

Несмотря на принятые антипандемические меры, закрывшие границы государств, перемещение мигрантов из-за и внутри российских границ отнюдь не остановилось. По официальным данным, миграционный прирост населения в целом по Российской Федерации в 2020 г. составил 106496 чел., а в таких регионах, как Брянская, Калужская, Архангельская, Новгородская и Волгоградская области, республики Карелия, Крым, Татарстан и Саха (Якутия), Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, такой прирост оказался выше (!) нежели в доковидном 2019 г.

Удивительно, но этот прирост происходил на фоне резкого увеличения количества безработных. По тем же дан-

ным, их общая численность составила 4 628,3 тыс. человек (124,7% к 2019 г.), из них было зарегистрировано в службах занятости 2 773,1 тыс. чел., что в 4,0 раза больше, чем в 2019 г.

В таких же субъектах Федерации, как Костромская область, этот показатель увеличился в 5,0 раз, Ивановская область – в 7,0 раз, Санкт-Петербург – в 7,1 раза, Оренбургская область – в 7,9 раза, Ставропольский край – в 8,3 раза, Республика Крым – в 9,1 раза и, наконец, Кабардино-Балкарская республика – в 10,0 раз [3].

Казалось бы, выявленный резерв рабочей силы должен был с лихвой покрыть потребности работодателей: на конец декабря 2020 г. ими была заявлена потребность в 1 735,6 тыс. чел. [3] Однако предприниматели, что называется, в один голос заявляют, что им никак не обойтись без массового привлечения иностранных работников, прежде всего из республик Средней Азии.

Такой дисбаланс объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, россияне в своём большинстве не горят желанием заниматься непрестижным, недостаточно оплачиваемым и зачастую тяжелым трудом на стройках и в жилищно-коммунальном секторе.

Во-вторых, эти сферы (так же как городской транспорт, нижнее звено медобслуживания, розничная торговля и др.) контролируются криминальными этническими группировками, находящимися в тесной смычке с недобросовестными работодателями, которым выгодно привлечение рабочей силы, находящейся в полной зависимости от названных субъектов, не требующей соблюдения их трудовых прав и правил техники безопасности. Плюс широкое развитие высокодоходного бизнеса в виде легального, полуполигального и нелегального перемещения сотен тысяч и миллионов людей через границы, размещения их за плату в скученных, антисанитарных условиях и организации питания низкого качества,

сфальсифицированными и просроченными продуктами [4; 5].

В этом же заинтересованы коррумпированные представители органов власти и ее силовых структур. Все это покрывается флером речей так называемых «правозащитников», которые ратуют за соблюдение прав мигрантов, игнорируя при этом попрание интересов коренного населения, значительная часть которого маргинализируется и отвыкает от общественно полезного труда.

Зафиксированные выше процессы привели в 2020 г. к снижению преступной активности иностранцев и апатридов лишь на 1,5% (а граждан государств – участников СНГ – всего на 0,6%), т. е. в объеме статистической погрешности. Падение числа выявленных посягательств на этих лиц было более значимым (–4,9%). Однако уже в январе – феврале 2021 г. картина поменялась. Преступная активность иностранцев и апатридов возросла на 1,9%, причем, что примечательно, не за счет вклада граждан государств – участников СНГ (число совершенных ими преступлений упало сразу на 12,6%). Сами же эти лица теперь подвергаются преступному воздействию еще более редко (–8,4%).

С начала года иностранные граждане совершили более 25 тыс. преступлений и порядка 466 тыс. административных нарушений. Сравнение этих данных с показателями прошлых лет говорит о том, что в этом году преступность среди мигрантов пошла в рост. Так, в 2019 г. в Россию приехало 15,7 млн иностранных граждан, а число преступлений приезжих составило 38 563. В 2018 г. в страну прибыло около 16,3 млн граждан других стран, количество преступлений за тот год составило 42 676. Самый высокий показатель приходится на 2017 г.: 45 341 преступлений, совершённых иноземцами, притом что всего их приехало в страну более 15,1 млн.

«Мигрантов нередко втягивают в террористические и националистические

группировки, в криминальную деятельность», – отмечает Анатолий Выборный. В «группу риска» обычно входят люди из стран с неблагоприятной экономической ситуацией, приехавшие искать заработка в России. В случае потери работы, лишения легального статуса и любых других неурядиц они не могут претендовать на социальную помощь от государства и вплотную подходят к черте закона.

Таким образом, пандемия хотя и несколько снизила криминальную активность мигрантов и ответную реакцию на нее коренного населения, она однако не смогла полностью заблокировать эти процессы. Мало того, закрытие государственных границ с европейскими, рядом азиатских (прежде всего Китай, а позднее и Турция) и американскими государствами активизировало внутреннюю миграцию, прежде всего туристическую и оздоровительную. Миллионы наших граждан устремились в Краснодарский и Ставропольский края, а также в Крым, где они подвергаются разнообразному преступному воздействию, начиная от насильственных посягательств и заканчивая многочисленными экономическими (хищения, особенно мошенничества, оказание недоброкачественных услуг) и коррупционным преступлениям. Вполне актуальным для всех ветвей власти остаются научные рекомендации, высказанные как до пандемии, так и во время ее развития [6], тем более что эпидемиологи и микробиологи предрекают появление и быстрое распространение новых, еще более смертоносных вирусов и микробов.

Что касается нашего вклада в решение данной проблемы, то он был сформирован еще более сорока лет назад, когда, по понятным причинам, миграционная преступность не представляла столь значительной угрозы для национальной безопасности нашей страны. Тем не менее было предложено дополнить систему наказаний таким ее видом, как удаление из пределов СССР на срок или бессрочно иностранцев и лиц без гражданства в ка-

честве основного или дополнительного наказания за совершение как особо опасных государственных преступлений, так и ряда общеуголовных посягательств [7]. Подобные предложения не единожды высказывались в научной литературе [8, с. 12; 9; 10].

Следует иметь в виду, что действовавший в то время УК РСФСР 1960 г. предусматривал (ст. 26) высылку внутри страны с запретом на срок от двух до пяти лет проживать в определенных местностях (столица Советского Союза и столицы союзных республик, областные города, приграничные и курортные местности и др.). 28 лет назад, еще до принятия ныне действующего УК РФ, государство лишилось этого ценного инструмента пресечения криминальной миграции. Думается, что этот шаг был совершенно не обоснован криминологически и потому требуется возвращение высылки (с предложенной нами ее модернизацией) в современную систему наказаний.

Та же судьба постигла проверенную столетиями отечественного и зарубежного опыта применения ссылку [11, с. 507–510]. Здесь надо иметь в виду, что специалисты в основном ведут речь об общественно опасной иммиграции, тогда как немалый вред способна принести и эмиграция из страны.

Полузабытый ныне Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный от имени Советского Союза Л. И. Брежневым 1 августа 1975 г. в Хельсинки, объединял три пакета (так называемой «корзины») соглашений. Первая «корзина» предусматривала нерушимость послевоенных границ и была буквально растоптана Западом во главе с США после распада СССР в 1991 г. Менее очевидна в этом злокачественном результате роль третьей «корзины», включавшей такой пункт, как «Уважение к правам человека и его фундаментальным свободам: свободе обмена мыслями, свободе совести и религии, свободе передвижения».

Эта международно-правовая норма узаконила, в частности, массовую эмиграцию евреев из СССР, число которых составило за 1970–1988 гг. 291 тыс. чел. (вместе с членами семей). Значительная часть из них не поехала в Израиль либо покинула его пределы через непродолжительное время (так, в 1979–1988 гг. в Израиль выехало 33 тыс. чел., тогда как в США почти в три раза больше – 84 тыс. чел.) [12].

Изрядная часть этих эмигрантов по разным причинам была настроена антисоветски и активно участвовала в подрывной деятельности против нашей страны. В пику этому 29 марта 1983 г. в СССР был образован Антисионистский комитет под председательством генерал-полковника танковых войск, дважды Героя Советского Союза Д. А. Драгунского. Членами комитета были: доктор юридических наук, профессор С. Л. Зивс, народный артист СССР Э. А. Быстрицкая, академики АН СССР Т. И. Ойзерман и В. Н. Кудрявцев, композитор М. И. Блантер, главный раввин Московской хоральной синагоги Я. Л. Фишман и главный раввин Москвы, а впоследствии главный раввин Советского Союза (с 1993 г. – России) А. С. Шаевич. Однако продолжавшаяся несколько десятилетий конфронтация с Израилем, как известно, не привела к планировавшимся результатам.

Аналогичный характер имел исход этнических немцев из России и других бывших союзных республик (прежде всего Казахстана) в объединенную Германию. Здесь мы также видим усиление враждебных России сил за счет притока «свежих» мозгов.

В свете сказанного становится ясно, почему ни Советский Союз, ни его правопреемник – Российская Федерация в течение почти 68 лет не принимали для себя Устав Международной организации

по миграции от 19 октября 1953 г., ибо в нем закреплено положение о том, что цели и функции названного органа состоят, в частности, в принятии мер «по организации перемещения мигрантов, для которых существующие механизмы не подходят или которые в противном случае не могли бы перемещаться без специальной помощи в страны, представляющие возможности для упорядоченной миграции». Лишь 5 апреля 2021 г. Президент России подписал соответствующий федеральный закон.

Ясно, что ссылка не в состоянии сама по себе воспрепятствовать вышеупомянутым грандиозным перемещениям людских масс. Здесь должны быть задействованы экономические, политические, культурологические и религиозные институты, дабы сохранить единство российского народа, а при перемещении части его за государственные границы обеспечить верность традициям и заветам своих предков.

Но для пресечения эмиграции за рубеж организованным и неорганизованным преступникам вместе с похищенными ими капиталами ссылка, как уголовное наказание, вполне пригодна. Дело в том, что западные страны, постоянно крича о расцвете коррупции в постсоветской России, охотно предоставляют убежище (в том числе политическое) особо опасным экономическим преступникам и еще более охотно размещают в своих банках похищенные в России сотни миллионов и миллиарды рублей [13]. Та же политика проводится в отношении экстремистов и даже откровенных террористов (прежде всего из республик Северного Кавказа, но не только).

Ссылка способна также канализировать перемещение осужденных в ряд обезлюдивших регионов России. Скажем, миграционная убыль в Дальневосточном федеральном округе составила в 2020 г.

19925 чел., а в Сибирском – 24499 чел., увеличившись примерно в 2,0 раза в каждом из них.

Наконец, есть смысл вернуть ссылку (как и высылку) в арсенал административных наказаний. Ее срок должен составить не более одного года и иметь целью не столько заселение депрессивных регионов, сколько очищение городов с высоким уровнем преступности и возвращение правонарушителей к местам их прежнего проживания (естественно, при том условии, что обстановка в них более благоприятна для личности делинквента).

Выводы

Пандемический кризис и вызванное им закрытие внутригосударственных и межгосударственных границ не привели к сокращению миграционной преступно-

сти. Напротив, в некоторых сферах и регионах наблюдается рост основных показателей этой разновидности преступности.

Современная миграционная ситуация и связанная с ней криминологическая обстановка требуют энергичных, но в то же время рациональных, научно обоснованных мер по контролю за миграционными процессами и дозированному применению уголовной репрессии к лицам, пренебрегающим российскими законами в этой сфере. Такими мерами могут и должны стать высылка за пределы РФ и ссылка с запретом проживать в определенной местности. Отказ от этих инструментов миграционного контроля с принятием УК 1996 г. криминологически и политически нельзя признать обоснованным.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.
2. Милюков С. Ф. Криминологические хроники времени пандемии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2. С. 13–18.
3. Миркин Я. М. На душу населения... // Российская газета. 2021. 12 марта.
4. Милюков С. Ф. Отзыв ведущей организации о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08: Ульянов М. В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности (М.: Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2017. 218 с. (с прилож.)) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 1 (30). С. 128–132.
5. Милюков С. Ф. Отзыв официального оппонента о диссертации С. А. Бучакова «Незаконная внешняя миграция в России: криминологическая обстановка и политика противодействия», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 2. С. 392–402.
6. Урда М. Н. Управление рисками миграционной преступности в условиях пандемии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3 (54). С. 62–70.
7. Милюков С. Ф. Уголовно-правовое значение криминологической характеристики преступности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1980. 22 с.
8. Хван Т. С. Отбывание наказания осужденными – иностранными гражданами и лицами без гражданства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2019. 26 с.
9. Урда М. Н. Выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства как вид уголовного наказания и мера безопасности (сравнительно-правовые аспекты) // Уголовная

политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 т. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД РФ, 2018. С. 188–192.

10. Дворянсков И. В., Урда М. Н. Выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации: к вопросу о перспективах законодательного определения в Уголовном кодексе Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 137–144.

11. Милюков С. Ф. Система и виды наказаний // Уголовное право России. Общая часть / под ред. Г. Л. Касторского, А. И. Чучаева. СПб.: ЦИЭП: СПбИГО, 2009. 754 с.

12. Флорсхайм Й. Эмиграция советских евреев в 1979–1988 гг. и ее влияние на советское еврейство // Яхадут зманену. 1990. Вып. 6. С. 305–321 (иврит).

13. Милюков С. Ф. Транснациональное кубло экономических хищников: мы или они? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 2 (41). С. 30–31.

References

1. Gegel' G. V. F. Enciklopediya filosofskih nauk [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Moscow, 1975, vol. 1. 452 p.

2. Milyukov S. F. Kriminologicheskie hroniki vremeni pandemii [Criminological chronicles of the time of the pandemic]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2020, no. 2, pp. 13–18.

3. Mirkin Ya. M. Na dushu naseleniya... [Per capita...]. *Rossiyskaya Gazeta = Rossijskaya gazeta*, 2021, March 12.

4. Milyukov S. F. Otzyv vedushchej organizacii o dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk po special'nosti 12.00.08: Ul'yanov M. V. Migracionnye processy v sisteme determinacii prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti (M.: Akad. General'noj prokuratury RF, 2017. 218 s. (s prilozh.)) [Review of the leading organization about the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences in the specialty 12.00.08: Ulyanov M. V. Migration processes in the system of determination of extremist crimes (Moscow, Akad. General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2017. 218 p. (with appendix))]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1 (30), pp. 128–132.

5. Milyukov S. F. Otzyv oficial'nogo opponenta o dissertacii S. A. Buchakova "Nezakonnaya vneshnyaya migraciya v Rossii: kriminologicheskaya obstanovka i politika protivodejstviya", predstavlennoj na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk po special'nosti 12.00.08 [Review of the official opponent about S. A. Buchakov's dissertation "Illegal external migration in Russia: criminological situation and counteraction policy", submitted for the degree of Candidate of Legal Sciences in the specialty 12.00.08]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 392–402.

6. Urda M. N. Upravlenie riskami migracionnoj prestupnosti v usloviyah pandemii [Risk management of migration crime in the context of a pandemic]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3 (54), pp. 62–70.

7. Milyukov S. F. Ugolovno-pravovoe znachenie kriminologicheskoi harakteristiki prestupnosti. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Criminal-legal significance of criminological characteristics of crime. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 1980. 22 p.

8. Hvan T. S. Otbyvanie nakazaniya osuzhdennymi – inostrannymi grazhdanami i licami bez grazhdanstva. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Serving sentences by convicted foreign citizens and stateless persons. Cand. legal sci. abstract diss.]. Ryazan', 2019. 26 p.

9. Urda M. N. [The expulsion of foreign citizens and stateless persons as a type of criminal punishment and a security measure (comparative legal aspects)]. *Ugolovnaya politika i kul'tura protivodejstviya prestupnosti. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Criminal policy and culture of Countering crime. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Krasnodar, Krasnodar. univ. MVD RF Publ., 2018, pp. 188–192. (In Russ.)

10. Dvoryanskov I. V., Urda M. N. Vydvorenie inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva za predely Rossijskoj Federacii: k voprosu o perspektivah zakonodatel'nogo opredele-niya v Ugolovnom kodekse Rossijskoj Federacii [Expulsions of foreign citizens and stateless persons outside the Russian Federation: on the prospects of Legislative Definition in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, vol. 8, no. 4 (29), pp. 137–144.

11. Milyukov S. F. Sistema i vidy nakazaniy [System and types of punishments]. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal law of Russia. General part]; ed. by G. L. Kastorskii, A. I. Chuchaev. St. Petersburg, СІЕР, SPbiGO Publ., 2009. 754 p.

12. Florskhajm J. Emigraciya sovetskih evreev v 1979–1988 gg. i ee vliyanie na sovetskoe evrejstvo [The emigration of Soviet Jews in 1979–1988 and its impact on Soviet Jewry]. *Yahadut zmanenu = Yahadut zmanenu*, 1990, is. 6, pp. 305–321. (Ivrit).

13. Milyukov S. F. Transnacional'noe kublo ekonomicheskikh hishchnikov: my ili oni? [The transnational cabal of economic predators: us or them?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2016, no. 2 (41), pp. 30–31.

Информация об авторе / Information about the Author

Милуков Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: Milukov-SF@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5206-7691

Sergey F. Milyukov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: Milukov-SF@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5206-7691